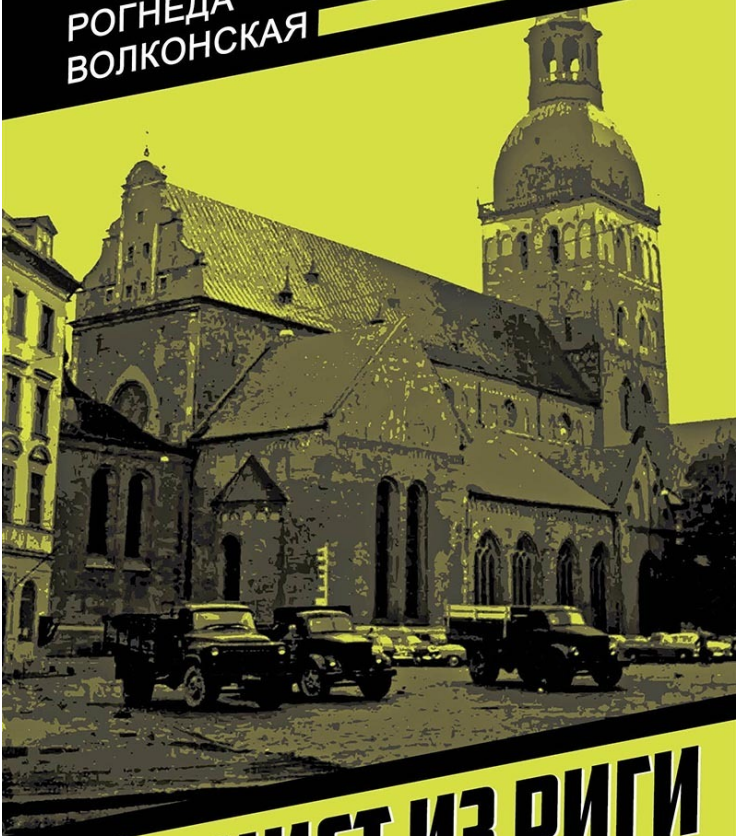
РОГНЕДА ВОЛКОНСКАЯ

ПИАНИСТ ИЗ РИГИ

ТАЙНЫЙ ФРОНТ

Рогнеда Тихоновна Волконская

Пианист из Риги

Серия «Тайный фронт»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74821146
Пианист из Риги / Р. Т. Волконская: Родина; Москва; 2026
ISBN 978-5-00269-173-9

Аннотация

Герои шпионского детектива «Пианист из Риги» – сотрудники органов государственной безопасности СССР, которым спустя двадцать лет после завершения Великой Отечественной войны удаётся напасть на след опасного изменника Родины, служившего в зондеркоманде СС и ранее избежавшего правосудия.

Шпионская повесть «Тени войны», посвящена запутанному расследованию трагического убийства талантливого писателя Анатолия Коврова в Риге середины 60-х годов XX века. Загадка смерти литератора неотвратимо связана с поиском знаменитых шедевров живописи, утраченных в военное время, и с деятельностью нацистской группировки «Черный беркут». Расследование ведет полковник КГБ Гулбис, который вынужден противостоять хитрости и коварству врагов, чтобы восстановить справедливость и вернуть исторические ценности законным владельцам.

Изданные в СССР полвека назад, эти произведения больше не переиздавались. Причина – очень реалистично и достоверно показана оперативно-розыскная деятельность чекистов.

Содержание

Рогнеда Волконская, Николай Прибеженко 6
1 6
2 20
3 27
4 32
5 36
6 44
7 51
8 57
9 65
10 69
11 77
12 82
Конец ознакомительного фрагмента. 83

Рогнеда Волконская
Пианист из Риги

© Волконская Р. Т., 2026
© Прибеженко Н., 2026
© ООО «Издательство Родина», 2026

Рогнеда Волконская, Николай Прибеженко
Пианист из Риги

Друг мой, бдителен будь
На земле, под которой я стыну.
Право требовать это
Я смертью в бою заслужил.
В. Незвал

1

Было уже далеко за полночь. Мартовой лежал в холодном поту и с трудом сдерживал непроизвольный стон отчаяния. «Вот и конец! Пробил и мой час. Возмездие! Слова-то какие!..» – с нервным сарказмом подумал он.

Он вспомнил лесную деревню Костюковичи… Пальба, крики. Не своим голосом орет лейтенант Штрум: где-то запропастился переводчик Алоис Вейх. И Штрум зовет его, Ставинского. Да, тогда он был еще Ставинским…

Они вместе входят в избу. На полу лежит партизан. Его только что приволокли из лесу. Обрывки рубашки еле прикрывают грудь. Раненое плечо наскоро перевязано, кровь продолжает сочиться.

– Где база партизан? – спрашивает Штрум.

Ставинский переводит вопрос. Партизан молчит. По его бледному лицу катятся крупные капли пота. Ставинский снова и снова повторяет вопрос. Партизан молчит.

– Ты будешь говорить? – вопрос по-немецки Штрум сопровождает отборной руганью по-русски.

– Безымянный герой! Подохнешь – никто не узнает. Говори! Господин Штрум тебя отпустит, – увещевает партизана Ставинский. Оглянувшись назад, он встречается с безумными глазами Штрума и наотмашь бьет раненого по лицу. Тот теряет сознание. Сомов обливает его водой. Штрум нетерпеливо бегает по избе, заложив руки за спину. Партизана усаживают на стул, но он клонится в сторону.

– Сомов, держи этот мешок с костями! – с остервенением кричит Ставинский и снова приступает к допросу.

– Сволочь! Предатель! А еще русский! – наконец хрипит партизан.

– Ставинский! Расстрелять! – приказывает Штрум и, пригнувшись, чтобы не стукнуться головой о притолоку, выбегает из избы.

Ставинский и Сомов тащат партизана к колодезному срубу. Загораются первые избы – каратели перед уходом подожгли деревню. Ставинский вынимает «парабеллум» и стреляет партизану в грудь, затем переваливает его в колодец.

«Так это был Лунин! – Мартовой широко открытыми глазами всматривается в темноту, сменившую отблеск пожара

в его воспоминаниях. – Тогда я и не подумал, что у него вообще есть фамилия. Щепка войны… Уцелел, сволочь!.. Так неужели невозможно остаться неразоблаченным? В такой огромной стране!.. Ай-ай-ай! Ведь прошло почти двадцать лет, а вот Вейха из таежной глухомани вытащили. Бежать? Куда? Смешно… Еще хуже, пожалуй… Дикая случайность – сват! И, значит, встреча неизбежна. Он может меня узнать. А что знает Лунин? Только о себе… Ну, расстрелял… одного за все время. Скажу, что боялся ослушаться Штрума. Может, срок дадут, не расстреляют. Нет, нет, раскопают. Всё раскопают… Год будут держать в превентивном заключении, а всё раскопают, всё… поднаторели»…

На Мартового снова навалилась лавина воспоминаний.

Это было два года назад…

…Мартовой ехал на работу. Он зябко поеживался и сквозь прищуренные веки сонно смотрел в замерзшее окно. Окруженные перламутровым ореолом, пробегали огни фонарей. Он поскоблил ногтем иней на стекле и присмотрелся, пытаясь определить, где находится, и, спохватившись, поднялся и стал пробираться вперед.

– Вы выходите? – спросил он мужчину, стоящего впереди.

– Нет, на следующей, – обернулся тот и посторонился. Мартовому показалось, что лицо этого человека ему как-то странно и неприятно знакомо. Он уже пробрался к выходу, но какой-то тревожный внутренний толчок заставил его обернуться назад.

«Черт побери, это же Захаров!»

Поразительно было то, что Мартовой раньше вспомнил его фамилию, чем обстоятельства, при которых пришлось им столкнуться. «Сойду на следующей», – решил он, убедившись, что Захаров протискивается к выходу.

Выйдя из автобуса, Мартовой пропустил Захарова вперед и пошел за ним. Мартовой еще не знал, зачем он так поступает. Это было любопытство к чужой судьбе, которая была ему так близка.

Захаров выглядел солидным в своем добротном зимнем пальто с каракулевым воротником; под его белыми фетровыми бурками взвизгивал снег. Захаров поскользнулся, притопнул каблуком и нелепо взмахнул портфелем, удерживая равновесие.

«Интересно, интересно, откуда он появился в Харькове? Зря я дрожал: живут же другие и, судя по всему, преуспевают. И этот… Где же он работает?» – думал Мартовой, следуя за Захаровым. – Ведь этот, ныне респектабельный, товарищ в сорок втором году в Таганроге выдал немцам раненого инструктора райкома партии, который скрывался у своего соседа – старого машиниста. За это оберштурмбанфюрер СС Кристман торжественно поднес Захарову стакан настоящего немецкого шнапса, похлопал по плечу и отсчитал ему пятьдесят марок (хорошее настроение было тогда у Кристмана!). Мартовой был уверен, что обалдевший от радости Захаров не мог его запомнить, так как он стоял в группе, наблюдав-

шей эту сцену.

Возле нового пятиэтажного дома Захарова догнал молодой парень, очевидно, его сотрудник. Они обменялись рукопожатием и вместе вошли в здание, где помещался номерной проектный институт.

Мартовой же работал прорабом участка в жилстрое…

В жарко натопленной дощатой времянке, на ящике возле железной печки сидел крановщик Рукавицын. Он подчеркнуто равнодушно взглянул на Мартового, продолжая бросать в печку обрезки досок.

– Что случилось? Почему сидишь здесь? – спросил Мартовой.

– Кран забарахлил окончательно. Сам ничего сделать не могу. Я же вам еще вчера говорил.

– Я вчера звонил Макарову. Но он был в тресте. Ты думаешь, легко выбить ремонтников?! – взорвался Мартовой.

Крановщик повел плечами, – не в духе начальство сегодня.

Мартовой подошел к телефону:

– Михаил Степанович, кран Рукавицына стоит. Что? Я знал об этом вчера, но вас не было… Там не только мотор, там лебедка заедает! Люди нервничают. Значит, после обеда? Хорошо. – И повернулся к Рукавицыну: – Зови ребят к табельщице, пусть отдыхают до обеда.

Мартовой разделся, достал журнал, пододвинул счеты и сел за стол. Надо было готовить сводку, но работа не клеи-

лась. Он был под впечатлением встречи с Захаровым. Ему мучительно хотелось покопаться в его душе.

Весь день он вынашивал мысль покуражиться над Захаровым, и к вечеру его снедало почти маниакальное желание подойти к нему и, как гром с ясного неба, ошеломить. Какое это наслаждение – вторгнуться в чужую жизнь и прервать ее безмятежное течение! Да, он будет смаковать выражение страха на лице Захарова, будет слушать его униженный и бессвязный лепет. Конечно, Захаров начнет всхлипывать, ссылаться на молодость, на обстоятельства и умолять не выдавать его. Ох уж эти обстоятельства! Давно миновала война и оккупация, исчезла и тогдашняя точка зрения на вещи, а теперь, в мирное время, тех «обстоятельств» не понять; так что прощения не будет…

Мысли Мартового путались, и он не замечал противоречивости своих суждений. То ему казалось, что именно такие доводы должен приводить Захаров, то ловил себя на том, что это у него самого заготовлено объяснение причины предательства. Однако он понимал, что ничем нельзя оправдать их преступлений.

Он сознавал, что его затея – это глупость, игра с огнем, мальчишество; но ему с патологической страстью хотелось пощекотать себе нервы, почувствовать радостное упоение от сознания того, что он, Мартовой, вопреки некоей высшей справедливости, все еще живет на свете и к нему еще никто не подошел и не сказал: «Я вас узнал, гражданин преступ-

ник!..»

Это циничное кокетничанье с самим собой превратило его в прежнего Ставинского – дерзкого и необузданного. Встреча с Захаровым вновь пробудила в нем охотничью страсть к преследованию, травле, – словом он почувствовал возможность, хоть на какой-то миг, побыть в своем прежнем положении. Возвышаться, подавлять – вот мотивы, которые в прошлом толкнули его в бездну. Он нимало не смущался тем, что ему не к лицу разыгрывать роль праведника перед мелкой, в сравнении с ним, преступной сошкой вроде Захарова.

Но было еще смутное желание: поставить себя на место Захарова и посмотреть на себя как бы со стороны. Кроме того, ему требовалась поддержка в зыбкой надежде на то, что все обошлось, все забылось… Ведь явно преуспевал этот Захаров. А чтобы учиться, быть всегда на виду, необходима твердая уверенность в безнаказанности… «Может быть, он знает больше меня, или, может, я излишне мнителен?»

Мартовой с омерзением, медленным взглядом, обвел свою времянку. Неподметенный пол, у порога окурки. («Паршивцы, даже поленились выбросить!»). Затянутые льдом оконца с одинарными рамами, за которыми маячит строящийся дом… Будто череп с десятками черных глазниц… Дверь канючит на все лады, когда ее открывают… Дощатый кособокий стол… И жестяной бачок в углу! Одно слово – времянка! Сколько он их переменил, этих времянок!

Сама его специальность как бы исключала постоянное место в жизни. Кочевник! С одной улицы на другую. Жизнь проходит на задворках: среди котлованов, щебенки, куч мусора. Серая, покрытая цементной пылью, как пеплом сгоревших иллюзий… А Захаров? Этот слизняк Захаров? Подумать только – в номерном институте!

Он подойдет к Захарову и посмотрит, как тот, самоуверенный и спокойный, воспримет разоблачение. И если Захаров струсит, то тогда… А что тогда? Ничего… Мартовой отпустит его с миром. Но уйдет человек, а его жизнь станет адом от той неизвестности, которая хуже реальной опасности.

Зазвонил телефон – Мартового приглашали в СМУ к четырем на совещание. Но он запротестовал:

– Нет, я сегодня не могу… Совещание, как всегда, затянется, а я должен в пять быть на переговорной. Вызывает сын из Риги…

* * *

Мартовой прохаживался по скверику, расположенному напротив фасада института, и поглядывал на часы. Вот дверь отворилась, с крыльца покатилась густая толпа…

Захаров вышел с какой-то женщиной. Они несколько минут постояли, разговаривая, потом женщина махнула ему на прощание рукой, и они разошлись в разные стороны. Марто-

вой рассчитывал, что Захаров направится к остановке, и рванулся было к ней наискосок, но тот, закурив, медленно пошел в сторону центра. Мартового охватила нервная дрожь, хотя ему казалось, что он нисколько не волнуется. Он догнал Захарова и пошел следом, в трех-четырех шагах. Он ощущал аромат его сигареты, и снова вся фигура Захарова выражала солидность и спокойствие.

Захаров свернул на Сумскую улицу и зашел в гастроном. Мартовой наблюдал за ним сквозь витрину. Захаров что-то купил в гастрономическом отделе, потом подошел к штучному отделу, купил сигарет и выпил стакан томатного соку.

Выходя из магазина, Захаров безразлично скользнул взглядом по Мартовому и быстро зашагал по улице. Мартовой догнал его и пошел теперь рядом с ним.

– Товарищ Захаров! – тихо окликнул он.

Захаров не обратил на это никакого внимания.

– Товарищ Захаров! – Мартовой прикоснулся к его рукаву.

Захаров повернулся к Мартовому и замедлил шаг.

– Вы ко мне? Что вы хотите? – спросил он с ироничной задорностью, которая свойственна веселым, умным и сильным людям.

Мартовой вдруг сник; он не смог вот так сразу подобрать нужных слов. И в нем вдруг вспыхнуло искреннее озлобление.

– Хочу поговорить с вами, – будничным тоном начал Мар-

товой.

– Не пойму. О чем?

– Сейчас объясню. Холодно, и поэтому не мешало бы пропустить по стаканчику, а? Завернем в ресторан?..

– Вас понял, папаша. Визитную карточку не предъявляйте. Приставать не советую. – Захаров отвернулся и пошел дальше.

Мартовому вдруг понравилась эта игра. Он уже почувствовал ее азарт.

– Постойте, пожалеете… Я хотел вас угостить полноценным русским коньяком! – громко проговорил он. И уже тише: – А не немецким эрзац-шнапсом.

Захаров остановился:

– Папаша! Приму меры…

– Сейчас я тебе все напомню – соплями изойдешь от страха. Кристмана помнишь, гражданин Захаров? Ну что, почему не падаешь на колени? – Мартовой, осклабившись, впился глазами в Захарова.

Захарова обескуражило то, что Мартовой был, очевидно, трезв и говорил серьезно, убежденно, яростно. Он понял, что в инцидент надо внести какую-то ясность.

– Захаров? Почему Захаров? Вы обознались, гражданин. У меня другая фамилия… – Человек понял, что его с кем-то спутали, и поэтому смягчился.

– Значит, другой? Еще неведомый изгнанник… – улыбнулся Мартовой. – Не притворяйся. Фамилию, конечно, пе-

ременил… Вот доставлю тебя в милицию, там тебе напомнят Таганрог.

– Стоп, хватит эмоций! Говорите спокойно, кто такой Захаров? – уже заинтересованно спросил Захаров.

– Да ты же Захаров! Смотри на меня. Выдал человека на растерзание немцам. Помню твое лицо, помню, – зловеще улыбался Мартовой.

У встреченного вдруг мелькнула мысль: «Этот дурак будет ловить меня на улице каждый день, устраивать скандал, чего-то вымогать. Явно – он принимает меня за другого. Надо сейчас с этим кончать».

– А ну пойдемте в милицию, там разберутся, – строго сказал он и взял Мартового за рукав.

Мартовой вдруг пронзительно осознал, что сделал глупость. Он понял, что обознался…

– Прошу вас, идите со мной, – настаивал человек. – Я хочу выяснить вашу личность. Что-то слишком много вы говорите. И это не пьяная болтовня.

Нужно было как-то спасаться, и с деланной идиотской усмешкой Мартовой проговорил:

– А помнишь, дружище, как мы с тобой штурмовали рейхстаг? Твой батальон творил чудеса. А я собственными руками задушил Гитлера… – Мартовой дико расхохотался и, застонав, схватился за голову и закачался.

Человек, которого он принял за Захарова, недоуменно пожал плечами и стал удаляться.

«Чуть не влип! Идиот! Растяпа! – клял себя Мартовой, петляя малоосвещёнными улицами. Он побоялся идти домой по Сумской. – Таганрогскому Захарову было бы сейчас чуть меньше моего, а этому типу лет тридцать пять, и я для него – „папаша“. И как я сразу не отметил эту деталь? Да, я живу не во времени, не в пространстве, а в своем прошлом… Страшно… Помутился разум!..»

Сосало под ложечкой от досады. «Это страх», – подумал он.

На работу Мартовой стал ездить другой дорогой, чтобы не столкнуться с Захаровым.

И вот теперь он поставил себя на место предполагаемого Захарова. Очень скоро, самое позднее – в конце недели, ему предстоит услышать слова Лунина: «Я вас узнал. Вы – Ставинский! Вы – предатель!» И он, Мартовой, не возмутится, как тот «Захаров», не потащит Лунина в милицию. Потому что Лунин не ошибется, он скажет правду. И ему поверят. Или Лунин даже этого не скажет, а, еще хуже, сделает вид, что не узнал. Как ни в чем не бывало отгуляет в доме Мартового свадьбу дочери… Постарается усыпить его бдительность, чтобы дать возможность чекистам взять его врасплох…

Мартовой застонал и перевернулся на бок.

– Что с тобой? Почему ты так тяжело дышишь? – участливо спросила жена и погладила его вспотевший лоб.

– Жарко что-то… Ты спи. Я посижу на кухне, все равно

скоро вставать.

Мартовой вышел на кухню и выпил валерьянки.

«Что-то нужно делать…» Он сел и, покачиваясь, сжал виски. «Сегодня, сейчас… Только бы не встретиться с Луниным. Разрубить себе ногу, обвариться кипятком и лечь в больницу? Придут проведывать, знакомиться… Да и фото мои Лунин увидит… Фото! А ведь Сергей, наверное, ему уже показал?» – Мартового словно кипятком облили. Он вскочил. В коридоре послышался шорох. Мартовой выглянул: из туалета шел Сергей.

– Сережа! – шепотом позвал он.

Сергей вошел в кухню.

– Ты уже встал, папа? Сколько времени?

– Тише. Еще рано. Мне сегодня надо к семи, чтобы раньше рабочих быть на объекте. Сам знаешь, работа собачья. Я тебя вот зачем позвал. В тресте собираются меня фотографировать на доску Почета. Ко Дню Советской Армии. Не люблю эту процедуру. Да и вид у меня что-то не того… Дам им старое фото, да и дело с концом. На время дай мне ту карточку, что у тебя, пусть переснимут. Она лучше других. Дома что-то не вижу больше такой. И куда делись?

– Вот жаль, папа! Я ее в Риге оставил. Кабы знал…

– Ну ладно. Что-нибудь подберу другое. Иди, сынок, отдыхай, а я буду собираться.

«Слава богу, оставил в Риге!» – вздохнул Мартовой, оставшись один. Он снова сел у кухонного стола, подпер ру-

кой голову.

«А я думал, КГБ за туристами бегает, по воробьям – из пушки… Не только, не только… Соорудили процесс… А вы, значит, товарищ Лунин, – в свидетели обвинения?.. Свидетелей убирают. Да, да… Если бы не эта проклятая свадьба, дал бы Сергею деньги и отправил бы молодых отдыхать в Карпаты на туристскую базу – и сам бы устранил. Риск огромный, но на то и риск, что оставляет шансы, пусть даже малые. Определенно, Краснодарский процесс подхлестнет чекистов, и они зашевелятся и выловят еще не одну рыбку… Подкупить бы кого, чтобы убрал Лунина… Эх, это не Америка!.. Зиргус!»

Мартовой вспомнил об этом человеке, и на какое-то мгновение ему показалось, что он отвел от себя опасность. Его мысль, освобожденная от страха, стала ясной и четкой.

«Конечно, Зиргус! Если он не поможет, я потяну его за собой, утоплю… Время еще есть… но нужно спешить. Припугну – согласится. Не впервой ему. Прожженный тип, матерый диверсант – вот по ком петля плачет! Двадцать пять лет шкодит – и ходит гоголем. Говорит: отошел от дела. А может, не врет?.. Ничего, припугну старым. Ловко он тогда разделался с электростанцией… немецкая школа… и концы в воду… А без меня бы ему не справиться…»

2

Петр Ставинский родился в Москве в семье архитектора. Его мать умерла рано, и он ее почти не помнил. Пяти лет отец отвез его в Петроград к своей сестре – вдове генерала Бродского. Ее муж, боевой генерал, сподвижник и личный друг знаменитого генерала Брусилова, погиб от шального немецкого снаряда, осуществляя исторический прорыв на русско-германском фронте. Это снискало его жене определенные лавры.

Тетя не чаяла души в маленьком Пете и, будучи противницей школьного воспитания, старалась напичкать его светскими манерами, дать ему музыкальное образование, обучить иностранному языку.

– Я не хочу, чтобы наш Петя растворился в толпе картузников, – говорила она.

В школе Ставинский учился нехотя, был нелюдим, зато дома он усердно стучал по клавишам рояля и бойко болтал на немецком языке, которому его обучила приживалка генеральши, дальняя родственница – пучеглазая Гретхен.

Бродская не порывала связей со своей надменной и брюзжащей средой. В ее доме собирались эти «бывшие», потерявшие, однако, вместе со своими доходами былой лоск. Их тянуло к взаимному общению, и они держались этакой колонией; жили в грезах, тоске по былому, злобно игнорируя

бурление новой жизни.

Иногда они усаживались вокруг лафитничка, и тетя доставала серебряные вилки. Слышались изысканные комплиментарные тосты в адрес женщин. Пели под гитару: «Глядя на луч пурпурного заката», «Пара гнедых», «Накинув плащ, с гитарой под полою»… Тетя, стоя с бокалом в руке, читала, глядя в потолок, стихи Блока: «И каждый вечер в час назначенный (иль это только снится мне?) девичий стан, шелками схваченный, в туманном движется окне»…

Мужчины то и дело целовали у дам руки. Дамы курили «Иру», а иногда, смеясь, танцевали французский канкан…

Ставинский рос розовощеким крепышом. Он рано физически развился и любил свое тело. Каждый раз, возвращаясь из школы через Аничков мост, Петя подолгу смотрел на прекрасные конные группы Клодта. Ах, какое изящество, гибкость и какая сила сочетались в этом бронзовом юноше! Он, словно играя, легко удерживал коня, рвавшегося вперед.

Сила – это красиво! Научиться подчинять себе свое тело, выработать пластичность… И пятнадцатилетний Петя стал посещать гимнастическую секцию при ближайшем клубе.

Когда тетю парализовало, он бросил ее и уехал к отцу в Москву. Шли годы. Он уже занимался в театральном училище, но гимнастика и музыка все еще оставались его основным увлечением.

В сороковом году он все-таки получил диплом об окончании театрального училища. Но не поехал по назначению

в Саратовский драматический театр, а к концу года отправился в Ригу попытать счастья как пианист. Ведь пианист – это не драматический артист, затерявшийся в общей массе действующих лиц. Тому нужны годы, чтобы выделиться. А в этом амплуа он сразу выходил на авансцену. Ставинским уже владела жажда позировать, выделяться, покорять – так трансформировалось в нем тетино «камерное» воспитание. И он томился обыденностью привычной обстановки в Москве, ему хотелось снова глотнуть «старого воздуха».

В Риге он имел успех, и это открыло ему новые горизонты. Сумасбродные девицы бросали на сцену цветы с записками. У него появились друзья из рядов «золотой молодежи». По ночам его вводили в душные салоны рижских аристократок, еще не успевших подчинить свой образ жизни экономному советскому рублю. Томная, тягучая музыка… Шампанское и старые запасы бордо… И женские руки опираются ему на плечи. Татьяна шепчет: «Какой ты красивый, Петер! Играй, играй, могучий славянин!» Эта женщина вошла в его жизнь, и он остался в Риге. Но ему не хватало денег, и от этого он страдал.

И тогда, как бог из машины, появился Айнар Зиргус, знакомый Татьяны. Зиргус по-своему оценил Ставинского: он сумеет пройти по металлической балке на десятиметровой высоте…

«…По балке всего-навсего семь метров и спустить на веревке в люк небольшой, но тяжелый пакет… О, это совсем

не опасно, Петер, ты же такой ловкий, такой сильный! Я тебе укажу место, откуда ты залезешь на балку, тебя никто не увидит», – убеждал его Зиргус.

И Ставинский согласился. Он нес впереди себя веревочный обруч, продетый под балкой, чтобы повиснуть на нем, если потеряет равновесие и сорвется. Вот когда ему пригодились гимнастические тренировки… Какое ему было дело, что и куда он опускает…

Утром по городу поползли слухи о взрыве на электростанции. А вечером концерт был отменен – не было света. Но зато были деньги, много денег.

Ужинали при свечах, вставленных в серебряные канделябры. О, это было романтично! В полумраке глаза Татьяны казались такими таинственными, притягивающими… Она неподвижно сидела на диване, утопая во множестве расшитых подушек. Отороченный кружевами пеньюар сполз с ее плотного круглого плеча…

Степенный, неторопливый, Зиргус подавлял Ставинского какой-то деловой сосредоточенностью, волевой собранностью, и это было странно для Ставинского: до этого он превыше всего ценил силу физическую. Он ни о чем не спрашивал Зиргуса, но догадывался, что за ним стоит какая-то еще неведомая ему сила.

А Зиргус знал, что Ставинский хочет денег. Много, непомерно много денег. И он умело использовал эту страсть.

…Загородная вилла. Ставинский и Зиргус в легковом ав-

томобиле на перекрестке дорог. Фары потушены. Вот появился какой-то человек. Навстречу ему выходит Зиргус. Несколько резких движений – и человек падает ему на руки. Ставинский и Зиргус кладут его в машину. Полчаса бешеной гонки… «Куда?» – «Не спрашивай». Дорогу преграждает фигура с поднятой рукой. Скрежет тормозов…

«Мозги целые?» – суетится фигура. – «Целые, – смеется Зиргус. – Я его аккуратно взял».

Ставинский легко несет ученого по лесной тропинке. Приземистая сторожка, пропахшая табаком и хвоей…

И снова жизнь взахлеб. Об опасности он перестал думать. Он пребывал в состоянии странной эйфории, которая у нормального человека появляется разве только в состоянии опьянения. Ему казалось, что вместе с ним перемещается центр мироздания, что природа в его лице создала некий наблюдательный пункт, откуда ему предписывалось бесстрастно взирать на мелкую суету ничтожных в своей ординарности «картузников».

Война по-своему отрезвила Ставинского. Он сознавал все неудобства и опасность войны. Дождливое лето сорок первого года развезло дороги, и он угрюмо месил белорусскую грязь, отступая со своей частью, и уже вынашивал мысль перейти на сторону побеждавшего врага. А возможностей для этого было предостаточно.

Он преклонялся перед силой, и грохот немецких орудий манил его к себе, как пение гомеровских сирен…

«Нет, не будет в этой войне брусиловского прорыва, – злорадно думал он, – поэтому надо быть на стороне сильного…»

Жестокая бомбежка на переправе под Смоленском прервала его колебания. Перед первым встреченным немецким офицером он предстал во всеоружии своего артистического обаяния и постарался выглядеть бодрым, молодцеватым и бесстрашным.

– Я сам пришел к вам, потому что сила – это красиво! – он умышленно ударился в пафос.

Офицер с любопытством посмотрел на ладно сложенного русского, и его губы растянулись в неопределенной усмешке.

– В русских стрелять хочешь? Отвечай! Ну! – офицер медленно обошел вокруг Ставинского, бесцеремонно и пренебрежительно рассматривая его.

Ставинскому вдруг стало не по себе: в этом вопросе обнажалась вся сущность его поступка; он понял, что, размышляя о сдаче в плен, ни разу не спросил себя: ты готов убивать своих? Кроме того, его оскорбил грубый тон офицера, который, по-видимому, нисколько не обрадовался тому, что вот к нему пожаловал он, Ставинский. Как-то не так он представлял свою первую встречу с немцами. Он инстинктивно почувствовал, что, если сейчас в чем-то не потрафит офицеру, – быть беде.

– Буду стрелять! Буду делать все для победы немецкого оружия. Затем и пришел… – Ставинский держал руки по швам, как бы считая себя уже приступившим к обязанно-

стям немецкого военнослужащего.

Черно-белая рябь клавишей отодвигалась далеко-далеко, куда-то за черту представимого…

– Откуда знаешь немецкий? – спросил офицер, приняв этот рапорт. Ставинский ответил…

3

Весь день Зиргуса волновало неожиданное приглашение на переговоры с Харьковом. Телеграмму принесли утром, разговор назначался на шесть вечера.

Кто его вызывает? Кроме Ставинского – некому. А может быть, это Гунар, шурин? Он шахматист и разъезжает по разным городам. «Но он же знает мой домашний телефон».

На всякий случай Зиргус позвонил на квартиру Гунара, чтобы узнать, куда тот поехал. Но Гунар оказался дома.

«Нечего ломать голову… Это Ставинский, – решил Зиргус. – Что ему нужно? Попросит денег? Но я же ему сказал, что со старым давно покончил. Ну, мелочишку, так и быть, подброшу по старой дружбе. Сколько я его не видел? Наверное, лет пять… Да, около этого».

Зиргус вспомнил, как однажды летним вечером он возвращался домой. На лестничной площадке первого этажа ему преградил дорогу какой-то мужчина.

– Айнар? – услышал он радостно-возбужденный возглас.

– Да, Айнар, – озадаченно ответил Зиргус. – Что вам угодно?

– Не узнаешь? – незнакомец улыбнулся.

– Ставинский! – шепотом сказал Зиргус.

– Он самый. Как поживаешь? Как твое «веселибе»[1]? Не

[1] Веселибе – здоровье (латышск.)

ждал?

Зиргус пригласил Ставинского в квартиру.

– Пить будешь? Мускат «Красный камень»…

– Можно.

Зиргус достал из буфета вино и рюмки. Они выпили.

Ставинский сказал, что приехал просто так, чтобы убить остаток отпуска, а заодно взглянуть на старого друга, и, как бы между прочим, дал понять, что мог бы, как в старое доброе время, кое в чем ему помочь. Дескать, у него сын учится в институте, мечтает о мотоцикле… Есть возможность завести некоторые нужные знакомства…

Ставинского радовало и воодушевляло то обстоятельство, что он встретил Зиргуса здоровым и невредимым. Следовательно, не так уж опасно его занятие.

Зиргус, вздыхая, молчал. Затем он встал и, поигрывая подтяжками, заходил по комнате.

– Веришь, Петр, – тихо начал он, – иногда на меня находит меланхолия, когда я вспоминаю то время. Скажи, на кой черт все это было нам нужно? Вот я суетился, грешил, а дамоклов меч-кладенец висел надо мной. Говорят вот: подвиг, геройский поступок… А в сущности, это вещи простые, – тут мгновенный результат: пан или пропал. А у меня не видно было конца риску. Деньги? Они не стоили затраченных сил и того страха, который я ощущал повседневно. Обеспеченная старость? Призрак. Ее у меня не было бы, я бы до нее не дожил. Что же тогда? Советская власть меня ничем не

обидела, ничего не отобрала. Я ничего своего не защищал, потому что у меня ничего не было… Дед еще имел паршивую картонажную фабрику и магазин. Отец промотал все это и устроился на службу. Мне же была завещана только потомственная ненависть… Как в жизни все несуразно!

– Я тебя понимаю, Айнар, – сказал Ставинский, усмехнувшись. – Так рассуждают черти в аду, когда они, после истязания грешников, перекуривают и вытирают лапкой пот.

– Ты ошибаешься. У меня не перекур. Я вообще отошел от дел. Шефы обанкротились, а архивы, наверное, сгорели к чертовой бабушке, и обо мне все забыли. Представь себе, я рад этому.

Ставинский не хотел в это поверить. А Зиргус с начала войны ничего не слышал о Ставинском и искать его не собирался, так как он не был нужен.

Нелегко было уверить Ставинского в том, что он сейчас о прошлом боится даже вспоминать.

Чтобы покончить с этим неприятным разговором, он спросил:

– Заходил к Татьяне?

– Нет. И не зайду… Ставинского больше нет, – он сокрушенно покачал головой. – Жизнь – это мясорубка… Выпьем… Рига трогает сердце… Но все ушло…

Зиргус помнил, как на прощанье Ставинский предупредил его, что теперь живет в Харькове и что тому в немалой степени он обязан ему, своему первому наставнику. Ска-

зал, что погорел на агентуре, оставил следы. Вот и пришлось перевоплотиться. Фамилия у него теперь другая – Мартовой Василий Михайлович. Так что, если возникнет необходимость возобновить дружбу, пусть Зиргус его найдет… И оставил адрес.

За это время такая необходимость не возникла, адрес затерялся.

…Зиргус подал в окошко телеграмму с вызовом и стал терпеливо ждать.

– Харьков, четвертая кабина! – объявила телефонистка.

– Я слушаю, – Зиргус прильнул к трубке.

– Это ты, Айнар? – прозвучал баритон Ставинского.

– Да, Айнар, – подтвердил Зиргус и плотнее прикрыл дверь.

– Это Петр. Здорово, друг. Немедленно вылетай в Харьков. Дело не терпит отлагательства.

– А что случилось? – насторожился Зиргус.

– По телефону не хочу. Поговорим на месте. Для тебя это весьма важно.

«Я так и знал… Он нащупал какую-то жилу и хочет меня заинтересовать», – уныло подумал Зиргус.

– Я же тебе говорил, что покупателя на наш товар больше нет. Нет – и всё.

– Да я не об этом! – перебил его Ставинский. – Банк может предъявить к оплате старый счет. А ты согласен платить за каких-то дураков, бракоделов?

– Нет, конечно…

Зиргус понял Ставинского, и ему стало жарко: неужели органам стало известно о его довоенной деятельности?

– Ну и вот! Однако у тебя будет время сберечь свое доброе имя, если прилетишь завтра…

– Хорошо. Завтра вылетаю харьковским.

4

Покусывая от нетерпения губы, Мартовой расхаживал по аэровокзалу и напряженно ждал, боясь пропустить сообщение диктора о прибытии самолета, которым должен прилететь Зиргус.

За окнами ревели двигатели; откуда-то прилетали пассажиры, другие – улетали. Веселые и возбужденные, они куда-то стремились, о чем-то мечтали, строили планы на будущее. На душе у них, вероятно, был покой. И как бы они удивились, узнав, что этот солидный, с задумчивым взглядом мужчина так тесно примыкает мыслями к далекой войне, таким роковым образом связан с ней, что бродит здесь, как в тумане, не замечая ничего вокруг, и только вздрагивает всякий раз, как слышится голос из репродуктора.

«А что, если не прилетит? – От этой мысли к его сердцу прикоснулся тоскливый холодок. – Допустим, прилетит и не согласится. Я бы на его месте не согласился! Разве трудно понять, что я все равно не в силах отдаться правосудию… И какая мне будет польза, если вместе со мной провалится Зиргус? Когда надо мной нависнет угроза разоблачения, останется только одно: покончить с собой. Деваться некуда. Это ясно мне. Это поймет и Зиргус. Нет, у него не будет времени так глубоко все обдумать… Надо только суметь его ошарашить, показать, что я не отступлю ни перед чем…»

Наконец, диктор объявила о прибытии самолета «Рига – Киев – Харьков». Мартовой торопливо вышел к краю летного поля. Колючий ветер обжигал лицо, глаза слезились, но он, не отворачиваясь, смотрел, как светящийся огнями лайнер, словно подбитая стрекоза, медленно поворачивался на месте.

В цепочке идущих пассажиров он узнал Зиргуса. Айнар, подняв воротник демисезонного пальто и придерживая его рукой около горла, согнувшись, шел прямо на Мартового. Последний шагнул немного в сторону, чтобы войти в полосу света настенного прожектора. Зиргус увидел его и едва заметно приподнял руку.

– Здравствуй, Айнар, – сказал Мартовой, не подав руки, пошел рядом с ним к выходу.

Не поворачивая головы, Зиргус спросил:

– Надеюсь, за тобой не следят?

– Нет, тут другое… Разговор будет короткий…

Они свернули в боковую аллею. Мартовой взял Зиргуса за локоть.

– Как на друга надеюсь, тем более что это и в твоих интересах. Скажу прямо: ты должен убрать одного опасного человека. Понимаешь, этот деревенский мухомор, врачишка, копается в прошлом… Надергал кое-какие данные. Сейчас потянул за нашу нитку.

– Темнишь, старина… Паникуешь, нервы рассобачились! – Зиргус смотрел на Мартового, лихорадочно сообра-

жая.

– Нужно действовать немедленно, и я прошу тебя…

– Ты с ума сошел! Чтобы я?.. Нет, уж уволь меня от этого дела. А сам почему ты не можешь?

– У меня должно быть алиби – в этом вся штука. Через день-другой будет поздно. И ты загудишь со мной, как пить дать!

– Ты наследил, да? А я должен за тебя отдуваться? Уволь, уволь! – повторял Зиргус, поеживаясь не то от холода, не то от волнения. – При чем здесь я? Ну, при чем? Я тебя с сорок первого не видел. Какие у меня с тобой дела? Давай так: ты меня не знаешь, я – тебя.

Зиргус стоял моложавый, упитанный, элегантный. Его чуть выпуклые глаза спокойно смотрели на Мартового.

Тот выдержал этот взгляд.

– Это твое последнее слово? – Мартовой впился глазами в Зиргуса.

– Последнее. Я сейчас улетаю домой. Во всем этом не вижу никакой связи с собой. – Он вдруг помрачнел: – Связался я тогда с тобой!

– А, жалеешь! Спохватился! Это из-за тебя, гад, я пресмыкаюсь в вечном страхе на дне вонючей ямы. Ты меня затащил туда! Ты! А мизинца моего не стоил, лавочник проклятый! Теперь я тебя потяну за собой. Слышишь? – шипел Мартовой, комкая в руках перчатки.

Зиргус как-то зловеще оглянулся.

– Знаю, знаю твою мысль! – вдруг успокоился Мартовой. – Убрать бы компаньона, да?.. Не получится: по дороге сюда я бросил в ящик письмо на свое имя… там твой адрес и твоя фамилия. Твои повадочки я знаю… Ты лучше слушай, что надо сделать. Ведь плевое дело… Это не танец на балке.

Зиргус оцепенело молчал.

– Дай огоньку, – наконец попросил он, доставая «Беломор».

Мартовой щелкнул зажигалкой. Он видел, что достиг своей цели, – Зиргус сдался.

Он рассказал, кто такой Лунин и как его найти, показал фотокарточку, которую взял дома тайком. «Еще хватятся, пока я тут».

– Всё, убери, – наконец сказал Зиргус, и по его тону Мартовой понял, что можно закругляться. Он легонько толкнул Зиргуса в плечо и дружелюбно улыбнулся, не скрывая чувства облегчения:

– Выручай, Айнар. Время дорого. Как это у Пушкина: «Часы летят, а грозный счет меж тем невидимо растет». Управишься – дашь знать телеграммой до востребования на Харьков-3. Мол, диссертацию защитил или что другое в утвердительном смысле. Понял?

– Сделаю, – тихо оказал Зиргус.

– Я в свою очередь потом сообщу тебе, какая будет ситуация.

5

«Если человек утонул, то не все ли равно ему, сколько воды у него над головой – метр или десять?» – от этой мысли пропотевший зеленый немецкий мундир меньше давил плечи. В зондеркоманде, где служил Ставинский, его окружал сброд, подонки; в сущности, это была унизительная жизнь, и чувство разочарования усиливалось под отрезвляющими ударами Советской Армии, которая на поверку оказалась сильной.

Шло время… Все реже раздавались тосты в честь победы немецкого оружия, и отдельные удачно проведенные операции уже исчислялись единицами… Перед Ставинским встал жгучий вопрос: что делать? Его командиры, которые всегда были плохими советчиками, сами старались замести следы своих злодеяний и уйти от возмездия.

В конце сорок четвертого года Ставинский попал в немецкий армейский корпус, который находился недалеко от границы Югославии, где пылало пламя партизанской войны. Сюда он был переведен из зондеркоманды, отступившей на территорию Польши.

На строительство оборонительных сооружений пригнали советских военнопленных, взятых в недавних боях. И вот один из военнопленных бежал. В погоню выделили отделение, которое возглавил Ставинский.

Солдаты рассыпались по лесу, Ставинский шел в паре с австрийцем, уроженцем этих мест. Тот хорошо знал окрестности, и они далеко опередили всех. Ставинский еле-еле поспевал за австрийцем. Лай собак слышался уже где-то в отдалении, когда они наткнулись на беглеца в зарослях сухого папоротника. Бледный, с взъерошенными, мокрыми от пота волосами, он согнутыми пальцами судорожно царапал землю.

Глаза австрийца загорелись.

– Штей ауф! – закричал он, бросившись к беглецу, и потряс автоматом.

И тут случилось непредвиденное. Ставинский размахнулся и ударил австрийца прикладом по голове.

– Вставай, пошли! – сказал он негромко по-русски ошеломленному пленнику.

Они пробежали несколько сот метров – погони не было слышно.

– Куда мы? – спросил его товарищ.

– К югославским партизанам, – ответил Ставинский и похлопал его по плечу.

Ночевали они уже далеко от места встречи. Всю ночь напролет они проговорили. Ставинский в каком-то экстазе самоотречения клял свою неудавшуюся жизнь.

Василий Мартовой неторопливо рассказывал о себе.

Вырос он в детдоме в Ростове, и когда пришла пора вступать в самостоятельную жизнь, пошел на завод «Сельмаш».

Там и застала его война.

Волею судеб полк Мартового прошел знакомыми Ставинскому дорогами – от донских степей, через белорусские леса, до холмов средней Польши. Так что в их воспоминаниях зримо проплывали одни и те же места, – для одного в ореоле победного шествия, для другого – в чаду содеянных преступлений.

Но прошла ночь воспоминаний, и Ставинский вдруг осознал, что дальше идти бесполезно. Что он скажет югославским партизанам? Кто он такой? Как очутился здесь?.. Перед ним, закинув руки за голову, спал свидетель его прошлого. Оно, это прошлое, продолжало цепко держать его в своих когтях. Нет, он должен выйти из него один… Тогда никто ничего не узнает…

…Ставинский завалил труп сухими листьями и набросал веток. Оправил на себе его арестантскую одежду. «Эх, только номера нет на руке! – с тревогой подумал он. – Но, может, все обойдется». И пошел на юг. При нем теперь не было никаких документов, он нес только свой автомат.

Так он дезертировал из немецкой армии, если это выражение применимо к его положению.

Он несколько дней скрывался в горных лесах, питаясь растениями, и, изнеможенный, набрел на партизанскую заставу, выдав себя за бывшего пленного, Василия Михайловича Мартового, служившего до плена в таком-то полку и попавшего в окружение месяц назад в Польше. Вся их рота

погибла в бою…

В то время партизаны успешно продвигались вперед, очищая от оккупантов югославскую землю. Однажды ночью отряд остановился вблизи небольшой станции. Вокруг царила тишина, только изредка доносился издалека шум обвалов.

Неожиданно закипел бой, и партизаны смело атаковали врага. Тогда поступило сообщение, что на выручку немцам спешит подкрепление в количестве примерно тысячи человек. Отряд решил обороняться, хотя все знали, что это будет отчаянная схватка, потому что немцам любой ценой необходимо было остановить партизан, сбить у них дыхание и овладеть инициативой.

На востоке с каждой минутой все ярче разгоралась заря.

И вот послышался нарастающий гул самолетов. Мартовой без страха ждал их приближения. Из-за горы изогнутым строем выплыли черные «юнкерсы-88». Они сделали два захода, бросая бомбы с малой высоты. Взрывы бомб в горах были оглушительными, свистело железо, каменная крошка обсыпала людей… Не успели самолеты скрыться, как на позиции партизан полезли фашисты. Их темно-зеленые фигурки, словно в каком-то тире, появлялись и исчезали за камнями.

Мартовой стрелял короткими очередями и, как ему показалось, свалил двух фашистов. К нему неожиданно пришла радость; он чувствовал себя обновленным, чуть ли не искупившим свою вину.

Черноволосый, со шрамом на лице, командир взвода Тошич что-то закричал – и партизаны рванулись вперед, но под огнем пулемета залегли. Послышались стоны раненых. Однако на помощь пришел левый фланг: бойцы перебежками обтекали седловину, и вот уже откуда-то сверху огненная метла загуляла по террасе в самой гуще изготовившихся к атаке немцев. Только там, где лежал Мартовой, крупнокалиберный пулемет врага продолжал неистовствовать. Казалось, этот ливень свинца нащупает каждого, кто выглянет из-за укрытия.

Мартовой глазами нашел командира и махнул ему рукой, прося разрешения действовать.

– Давай, братка! – закричал Тошич.

Мартовой прыжком преодолел опасное расстояние и быстро, по-пластунски, огибая камни, устремился вперед. На какое-то мгновение пулемет замолчал. В тридцати-сорока метрах от огневой точки Мартовой встал почти во весь рост и кошкой спрыгнул в расщелину. Еще в прыжке он почувствовал, что его настигла пуля: будто каленым железом прижгло ему грудь. Он рванул куртку: пуля наискосок, навылет пробила ему грудную мышцу. И снова оглушительно загудел пулемет.

Мартовой знал, что он находится почти в створе двух скал, между которыми стоит пулемет. Он наугад бросил ручную гранату и после ее взрыва выглянул из-за укрытия. Потом он уверенно метнул противотанковую. Последний взрыв

слился с громовым «Ура!» партизан. А потом они с высоты расстреливали разбегавшихся фашистов. Бородатый парень перевязал Мартового. Тошич, докладывая командиру батальона, особо отметил «русского братку» Василия, сказав, что своим смелым поступком он дал возможность взводу выбить врага почти без потерь. Он снял свои часы и надел их на руку Мартового.

А позже Мартовой видел молодцеватого, улыбающегося Тито, шагавшего во главе нескончаемой колонны партизанской армии. Но на этом празднике победы он чувствовал себя лишним. Как же он оплошал, нагрузив на себя за годы войны такую страшную ношу преступлений!

* * *

Потом некоторое время – служба в рядах Советской Армии, демобилизация… И вот у него на руках новенькие документы на имя Мартового Василия Михайловича.

Куда податься? Как жить? С чего начинать? Он смотрел на свои руки, огрубевшие за четыре года войны. Но это поправимо. Немного тренировки – и они снова легко запорхали бы по клавишам. Только ведь пианистом и артистом был Ставинский, оставшийся в далеком прошлом. Мартовой же ушел на фронт с ростовского «Сельмаша». Надо было искать себе занятие, сообразно этому положению. А это означало – слиться с массой, раствориться в ней. Накинуть на пле-

чи серый армяк тягучих однообразных будней. Сверкающие люстры концертных залов уходили из жизни навсегда…

Возвращаться в Ригу, к Татьяне, было нельзя. Забрать ее оттуда и уехать с ней куда-нибудь? Абсурдная мысль! Василий Мартовой – рабочий!.. Какая он теперь пара ей? А может быть, она вообще вышла замуж? Скрывая свою службу в зондеркоманде и считая ее унизительной, он за всю войну не дал ей о себе знать. Повидаться с отцом? Нечего было и думать. Возможно, его ищут, и этот визит может поставить отца под удар или привести к гибели.

И Ставинский-Мартовой поехал в Харьков. Здесь его никто не знал…

Город вставал из руин. Город строился, ему нужны были рабочие руки, и Мартовой пошел на стройку верхолазом. Жил в общежитии. Первое время избегал женщин: он ловил себя на мысли, что не может преодолеть свою замкнутость и приобрести ту задорную веселость и беспечность, без которой почти немыслим успех.

Постепенно он сблизился с тонкой и изящной Ниной, которая работала бухгалтером в их тресте. Нина с шестилетним сыном Сергеем совсем недавно возвратилась из эвакуации с Урала и жила с матерью на Холодной горе. Ее муж погиб на фронте, и Мартовой, «сбавив себе цену», предложил ей союз.

Он пристально следил за сообщениями в газетах, где то и дело упоминалось о процессах над изменниками Родины.

Его угнетала и пугала та искренняя ненависть советских людей к этим выродкам. Поэтому он свое благополучие считал временным, и ему было все равно, как устроится его жизнь.

Но постепенно он стал оттаивать, и, чем дальше удалялось прошлое, тем больше он привязывался к жизни, круг интересов рос. Он окончил вечерний строительный техникум и стал работать прорабом. Получил двухкомнатную квартиру. Искренне привязался к семье, любил жену и Сергея. Так что большего от жизни он теперь не желал.

Во время Краснодарского процесса Мартовой снова был поражен тем фактом, что органы правосудия не спят, что война зловещей тенью продолжает омрачать радость народа, который никогда не забудет своих героев и «своих» изменников… Этот процесс вновь напомнил Мартовому, что его война продолжается.

6

Анатолий Романович Лунин после окончания Московского медицинского института работал в Подмосковье, потом на Волге. Незадолго до войны он вернулся в свое родное Пасечное и принял хирургическое отделение районной больницы.

Когда началась война, он ушел на фронт, но под Брянском его часть попала в окружение, и он пробрался домой. Несколько дней отсиживался в погребе, и когда в Пасечное тайком наведался из леса Кондратий Иванович, бывший учитель местной школы, Лунин ушел с ним в партизаны. Потом партизанское соединение влилось в действующую армию, и он дошел со своей санчастью до границ Германии. Здесь его тяжело ранило, и война для него кончилась. Он вернулся в Пасечное.

Больница была сожжена немцами, и Лунин открыл в своем доме простой медпункт. Потом райсовет выделил небольшой домик у озера. Он до сих пор стоит, пригорюнившись, на краю обширного больничного сада, как памятник тому трудному времени, когда все начиналось на пустом месте.

Анатолий Романович знал в Пасечном почти каждого. Многие лечились у него с детства, с юности. На его глазах люди росли, становились механизаторами, бригадирами, учителями, командирами Советской Армии. Их выдвигали в районное и областное руководство. Но все они для Анатолия

Романовича оставались Сашами, Димами, Ванями, Анютами… Со всеми он по-прежнему был на «ты», и они по-прежнему называли его «наш доктор».

Анатолий Романович отложил в сторону пухлую историю болезни и задумался.

В кабинет заглянул Гурген Макарьян. Лунин обернулся к двери:

– Зайди, Гена. Я как раз хотел с тобой поговорить.

Макарьян сел напротив. Анатолий Романович пододвинул к нему историю болезни.

– Вот человеку все некогда было. Давал рекорды… Рекорды, конечно, дело хорошее, но все надо в меру. Читай… с этого места.

Макарьян внимательно прочел заключение, только что сделанное Анатолием Романовичем.

– Да, солидный стаж болезни…

– И как это мы проглядели Сашу, нашего передового тракториста? Человек лежал у нас дважды… Подлечим немного, он и рвется к машине. А нельзя было. Нельзя…

– Будем оперировать Волошина? – Макарьян еще раз прочитал последнюю часть заключения.

– Да, сегодня переводим его к тебе, в хирургическое. Дай соответствующие распоряжения к приему больного.

Макарьян удивленно посмотрел на главного врача. Анатолий Романович заметил его взгляд и спохватился:

– Я и забыл тебя обрадовать: облздравотдел одобрил твою

кандидатуру на должность заведующего хирургическим отделением.

– Спасибо, Анатолий Романович, за хлопоты, а еще больше за то, что помогли мне совершить такой «большой скачок» за два года. Словом, мне повезло, – растрогался Макарьян.

– Что значит «повезло»? Это не то слово. По заслугам и честь. Большое тебе доверие и большая ответственность. Но не зазнавайся и не пытайся бежать в город при первой возможности, по первому приглашению. Хорошие хирурги в райцентрах – это показатель высокой медицинской культуры на местах. Имей в виду: не о тебе печется облздравотдел, а о людях. Ты способный врач, ты нужен больным, и твоя новая должность – это вроде как бы якорь для тебя. – Анатолий Романович улыбнулся. – Возможно, в отделении кое-что не по-твоему. Найдешь нужным – налаживай новый порядок. Но делай это не в виде декретов, а постепенно, с умом, учитывая сменяющиеся запросы времени. И без горячки. Знаю я, за тобой этот грешок водится. Спеши медленно! Трудный случай у Волошина, Гена, – круто повернул Лунин разговор на беспокоившую его тему. – Язва запущена.

– Как жаль, что вы уезжаете! – воскликнул Макарьян.

– А кто тебе сказал, что я уеду в Харьков, оставив тебя один на один с этой операцией! Завтра и будем оперировать: со стороны анализов противопоказаний нет. Вместе прооперируем, не волнуйся. Да разве я смогу спокойно сидеть на

свадьбе, если все мои мысли будут здесь?

Макарьян облегченно вздохнул.

– На, забирай историю болезни, а это передай Зиночке, пусть отпечатает. Здесь приказ о назначении тебя на должность.

Оставшись наедине, Анатолий Романович долго смотрел в окно, обдумывая предстоящую операцию. А на оконном стекле мороз выводил ажурные листья папоротника. Полыхнули лучи закатного солнца, пробиваясь сквозь морозные узоры окна, легли пятнами на разложенные на столе бумаги. Аквамариновые листья папоротника пожелтели…

По двору, накинув на плечи пальто, пробежала врач Кучерова. Анатолий Романович проводил ее взглядом. Легкая досада царапнула сердце: «И зачем я так резко говорил с ней утром? Уж не обиделась ли она, эта кроткая женщина, любимица всех больных? Ах, кажется, не прав я был, не прав».

Врача Кучерову он нашел в палате. Она сидела у койки больной старушки. Другие больные после врачебного обхода ушли на второй завтрак.

Лунин тихонько окликнул ее и пригласил в свой кабинет.

– Что же вы, голубушка, нарушили врачебную этику? Не ожидал от вас… – Лунин укоризненно покачал головой.

– Не понимаю, Анатолий Романович. – Кучерова озадаченно развела руками. – Каким же образом? – Она была уверена, что замечание Лунина вызвано каким-то недоразумением.

– Сегодня я застал Волошина в удрученном настроении. Он заявил мне: «Я знаю, что мое состояние безнадежно». И расстроили его вы. Говорит: «Доктор Кучерова тяжело вздохнула, устало поднялась со стула и, уходя, оперлась на спинку кровати».

– Вот оно что! – Кучерова смущенно улыбнулась. – Я вспомнила… И он заметил? И принял в свой адрес? Поразительно!

– Заметил, Варвара Антоновна. Вот вам налицо действие первой сигнальной системы. Мимика, жесты, предметы… Это нужно учитывать…

– Анатолий Романович, у меня дома неприятность: поссорилась с мужем из-за пустяка; ночь не спала, но главное, кажется, я была не права… и у меня было плохое самочувствие…

– Неизвестно, кто иногда больший психолог – врач или больной? Врач думает о многих, а больной – только о себе. Учтите это. И проявлять свое настроение не следует – такая уж у нас профессия. Нужно больных заражать бодростью как естественным состоянием человека. Тогда болезнь им покажется этаким недоразумением, которое быстро пройдет. Вот так, Варвара Антоновна.

– Это справедливо, Анатолий Романович. Но Волошин действительно плох. Терапевтическое лечение ему вряд ли что-нибудь даст.

– Знаю, знаю. Да, запустил болезнь! Не показывался два

года – вышел из нашего поля зрения. Будем оперировать срочно…

Лунин сегодня, как обычно, задержался в больнице, и, когда возвращался домой, уже вечерело. Он вошел во двор и остановился.

«Быть ночью снегопаду!» – Это он отметил по особому запаху от деревьев, опушенных повлажневшим снегом, – значит, потеплело. Жалобно взвизгивал колодезный журавль во дворе Кондратия Ивановича. «Упрямый старик, не хочет пить водопроводную воду. А может, он и прав? Когда-то и у нас был колодец»… Лунин посмотрел в угол двора, где из-под снега торчал почерневший сруб. И вдруг он ясно ощутил запахи мая.

Он вспомнил, как вот так же после рабочего дня вошел он тогда во двор и услышал скрип колодезного ворота и грохот цепи. Но самого колодца не было видно: все скрывала белая пена цветущей вишни.

«Как облитый молоком. Кто это сказал? Народное…» – подумал он. (И теперь, много лет спустя, при виде цветущего сада это сравнение всегда приходило ему на ум. Наверное, лучше не скажешь…)

– Это ты, доктор? – донеслось тогда от колодца. Раздвинув ветки, на тропинку вышел отец, вытирая о фартук мокрые руки. – Мы тут грядки поливаем…

– А ну, Толя, включайся в домашнее хозяйство, – услышал он веселый голос жены; Надя, улыбаясь, смотрела на него.

Ее плечи и косынка были усыпаны белыми лепестками.

– Здравия желаем, товарищ политрук! Ну и спишь же ты по утрам так, что здороваться с тобой вечером приходится! – крикнул он вышедшему из беседки младшему брату.

– Не хотят меня поставить ни к поливалке, ни к колодезному ведру, – пожаловался он.

– Да отдыхай уж после пограничных тревог, – улыбнулась Надя.

– Кончаем работу! Анатолий, разводи примус, мать из погреба борщ несет! – провозгласил отец.

– Постный борщ-то, постный, с карасями, – объявила мать.

– Отставить примус! – скомандовал политрук…

Как давно это было… В мае сорок первого… Лунин посмотрел по сторонам, словно надеясь увидеть дорогие лица, – заснеженный сад все еще полыхал перед глазами пушистым майским цветом. Всех их давно нет в живых… В этом большом доме со старой довоенной мебелью он остался с дочерью один. Он ничего не хотел в нем менять. Пусть будет все так, как было при их жизни. Вот и Оля выпорхнет из этого дома… Скучно ей здесь, на воле… Притягивает, манит городская клетка, ставшая привычной за годы учебы в институте. А жаль. Ну что ж, ничего не поделаешь!

Лунин поднялся на крыльцо и отпер дверь…

7

На брянском вокзале Зиргус тщательно изучил расписание поездов и, детально рассчитав время, взял билет на пригородный поезд до Пасечного – туда и обратно. Всю дорогу до Пасечного Зиргус пытался составить план действия, но его мысли путались, их разрывали воспоминания, и назойливо вертелся вопрос: «А зачем, собственно говоря, я взялся за это дело?» В то, что этот Лунин «потянул за их нитку», как выразился Ставинский, он не поверил с самого начала. Их рижские дела – и Лунин. Какая между этим может быть связь? Абсурд. Да и весь последующий разговор со Ставинским показал, что тут – другое. Когда он замарался? В войну или потом? Может быть, тут просто уголовное дело? Проворовался, убил кого? Он так и не раскрыл правды…

«А я, истинный патриот, боровшийся против Советов, пошел теперь на поводу у этого авантюриста, который и примкнул-то к нам в своих корыстных интересах. Но он тогда получил сполна за оказанные нам услуги. Нам… Где вы, мои вожди и вдохновители? Погибли? Задремали? Отреклись от всего, смирившись с ходом истории, и оставили меня пережевывать жвачку изживших себя идей?»

Зиргус больше не верил в то, что его предвоенные действия были так уж нужны для спасения отечества, иначе он сам поискал бы пути, которые рано или поздно привели бы

его к тем, кто не сложил оружия.

В нем постепенно угасло желание вернуться к прежней жизни, потому что это желание ничто уже не подогревало. Все, что мог достичь в буржуазной Латвии он, сын владельца небольшого магазина, он достиг и при новом строе. То предвоенное время он относил теперь к поре исканий и как бы списывал его со счетов, сваливая все на молодость.

И теперь он был потрясен тем фактом, что за «грехи молодости» надо расплачиваться ему, пожилому, инертному человеку, мечтавшему дожить до старости в тишине и покое. Обидней всего было то, что из теплой тины, в которой он пребывал весь послевоенный период, его выдернул крючок какого-то шантажиста.

«Нет, и впрямь мои мозги заволокло жиром! Безвольный дурак! Согласился… На что я иду?»

На миг у него явилось желание сейчас же, немедленно вернуться в Харьков и постараться убедить Ставинского в чрезвычайной опасности задуманного предприятия. Но он даже не знал, где тот живет. В адресном бюро можно справиться только завтра. Но Ставинский будет на работе. Они смогут встретиться не раньше завтрашнего вечера. Время работает против них. Колесо вертится – скоро свадьба. А если они не придут ни к какому решению? И это вполне вероятно, ибо разве не решал эту задачу Ставинский сам, прежде чем обратиться к нему за помощью? Он, конечно, перебрал все варианты и остановился на единственном, потому что

оказался в тупике, из которого он может выбраться только по трупу своего потенциального разоблачителя. И если этого не произойдет…

Зиргус содрогнулся при мысли, что час расплаты настанет и для него. Ставинский, погибая сам, схватит и его за горло. Мертвой хваткой. Ставинский… Лунин… Сейчас судьба Зиргуса зависела от этих двух человек. Порознь… И это уже было лучше. Перед ним стоял выбор: уничтожить того или другого. Ставинский это учел. Он подготовился и к такому повороту событий, так что застать его врасплох, по всей вероятности, невозможно. Лунин – другое дело…

* * *

В домах Пасечного зажглись огни. Зиргус посмотрел на часы: пожалуй, пора! И пошел к дому Лунина. Надвигалась темнота. «А вдруг он не один? Всякое бывает! – шевельнулась мысль. – Ничего, справлюсь и с двумя». В доме Лунина светилось только одно окно, рядом с коридором. Зиргус волновался, но это было старое, привычное «рабочее» волнение, которое придавало ему силы, оно вернулось к нему сквозь годы расслабленности и лени. Оно снова наполнило его дряблые мышцы силой, заставило мозг заработать в одном нужном направлении, и весь он как бы подобрался, готовый к мгновенной реакции. Это был прежний Зиргус. Он шел напролом, и ничто уже не могло его остановить.

* * *

Лунин подошел к жарко горящей плите и, покрякивая, сел на табуретку. С задумчивым выражением на лице вынул из пачки папиросу, не спеша ее размял, зажег спичку, прикурил и, прежде чем погасить огонек, какое-то время смотрел на него. Его движения замедлились; он с вялой сосредоточенностью курил, обволакиваясь дымом. Подошла кошка, потерлась о его ноги и улеглась около плиты в картонную коробку. Она уставилась на хозяина широко открытыми желтыми глазами и тихо замурлыкала.

Лунин встал, взял со стола очки и, привычным движением руки откинув дужку, надел их. Взял газету и стал ее просматривать. В «Брянской правде» был помещен портрет в траурной рамке.

«Степан… Ах, Степан… Прощай, дорогой товарищ, партизанский командир», – произнес Лунин вслух. Он отложил газету, снял очки – читать он был не в состоянии.

«Да, в таком возрасте уж ничто не заполняет промежуток между сегодняшним днем и смертью. Впереди только однообразная равнина, и нет на ней никаких вех… Ах мысли, мысли… воспоминания… Да что же со мной сегодня? Нельзя так падать духом. Завтра такой трудный день»…

Лунин шумно вздохнул, взял кочергу и, сдвинув ею конфорку, заглянул в топку. Подбросил угля, пододвинул

немного вьюшку трубы.

Заскрипело крыльцо. Постучали в дверь.

Лунин, ничего не спрашивая, открыл.

– Вам телеграмма… Из Харькова, – сказал Зиргус.

– Очень рад… проходите!

Зиргус вошел в кухню.

– Пожалуйста, распишитесь, – сказал он.

Лунин подошел к столу и потянулся за очками. Среднего роста, в синей, на заячьем меху безрукавке, он показался Зиргусу слабосильным и старым.

Когда Лунин повернулся к нему, он, держа в руках бумажку, вдруг резко задрал вверх голову и, показав на потолок, испуганным голосом спросил:

– Что это у вас?

Лунин, придерживая очки, поднял голову.

Зиргус шагнул к нему и с хриплым выдохом рубанул его по горлу ребром ладони. Роняя очки, Лунин схватился за горло, но его руки тотчас бессильно опустились. Зиргус подхватил его обмякшее тело и, не удержав равновесия, упал вместе с ним на стол. Затем он положил Лунина на пол, сорвал с вешалки пальто, набросил его на голову Лунина, нащупал его висок и несколько раз ударил поленом. «Готов». И посмотрел на часы: стекло разбилось, а часы остановились. Он бросился искать осколки, но сразу же понял, что такая работа ему сейчас не под силу. Он нашел один покрупнее осколок, где, возможно, могли сохраниться отпечатки его паль-

цев, и решил, что остальные слишком мелки для подобных улик.

Зиргус шагнул в коридор и приоткрыл наружную дверь. Несколько секунд постоял так, прислушиваясь, потом не спеша сошел с крыльца и степенной походкой вышел на улицу.

Срывался снежок. На станцию Зиргус пришел за несколько минут до прихода рабочего поезда на Брянск. В Брянске он пересел на пассажирский, идущий до Смоленска. И снова он проезжал Пасечное. За окном вихрилась метель, но он терпеливо смотрел в окно, пытаясь отыскать глазами дом, в котором он побывал несколько часов назад. Но даже ближние улицы окутала сплошная белая пелена. Тогда он залез на свою полку и заснул сном праведника. На рижский поезд он намеревался пересесть только в Витебске, подальше от этих мест.

8

Зима 1964-го года выдалась снежной и холодной. Часто бушевала метель. Сухой рыхлый снег засыпал вокруг Пасечного окрестные леса и поля. Из Брянска пригнали снегоочиститель, и он то и дело курсировал мимо Пасечного. А на пристанционном перроне по утрам чиркал фанерной лопатой старый дворник дед Фома. На улицах поселка жесткий от мороза, еще не слежавшийся снег сердито скрипел под ногами и отваливался от подошв спрессованными плитками.

Но в ночь на 7 февраля заметно потеплело… В безветрии отвесно падали крупные влажные хлопья и, оседая друг на друга, окутали Пасечное лебяжьим пухом. Крыши стали выше, заборы – ниже.

К утру снегопад прекратился, небо прояснилось, и над поселком выплыл перламутровый серп месяца со слегка размытыми краями.

Медленно рассвело… А побледневший от дневного света месяц все еще висел над Пасечным. Будто из-под мохнатых горских шапок голубыми удивленными глазами смотрели окна домов…

Из больничных дверей вышла медсестра Рая Орешкова, посмотрела по сторонам, глубоко вздохнула ароматный свежий воздух и побежала по улице, размахивая руками в узорных вязаных рукавичках. Она напрямик, раскидывая вален-

ками снег, пересекла еще не расчищенную небольшую площадь и свернула в боковую улицу, обсаженную вдоль заборов липами.

Поравнявшись с участком доктора Лунина, Рая остановилась и толкнула калитку, но она не поддалась; только снежный комок сорвался с навесика и скользнул Рае за воротник. Она сняла рукавичку и просунула руку между досок – крючок болтался свободно, калитка была не заперта. Рая налегла на нее плечом и отодвинула рыхлый сугроб. Открылась нерасчищенная дорожка. Она вилась гладким, не тронутым лопатой желобком между отвесными стенками старых сугробов.

«Никаких следов! Да он же не выходил! Неужели заболел?» – с тревогой подумала Рая и побежала к крыльцу. Дверь была чуть приоткрыта, и в коридор нанесло косой намет снегу. Рая вошла в коридор и постучала. Ответа не было.

– Анатолий Романович, к вам можно? Анатолий Романович! – Рая слегка потянула дверь на себя, и она отворилась. В кухне горел свет, хотя на дворе было уже совсем светло. Рая шагнула через порог и отшатнулась: на полу возле плиты лежал человек. Его голова и верхняя часть тела были покрыты легким пальто.

– Кто это? – слабо вскрикнула Рая. Она откинула с лица человека пальто – перед ней был Лунин. На его вздутом лице возле виска запеклась кровь. Голова лежала в луже крови, уже подернувшейся мутной пленкой. Он был мертв. Рая

поняла это сразу, едва прикоснувшись к его холодной закоченевшей руке.

– Боже мой, боже мой, – шептала Рая, снова закрывая лицо покойника и стараясь придать пальто прежнее положение.

Она выскочила во двор и стала звать на помощь.

Первым прибежал Кондратий Иванович. Но Рая, опомнившись, остановила его у калитки:

– Сюда нельзя!

– Да что случилось, чего ты орешь? Почему сюда нельзя? – возмутился Кондратий Иванович, отстраняя ее.

– Убили! Убили доктора! – Рая схватила его за рукав и не пустила во двор. Она скороговоркой объяснила, в чем дело. Кондратий Иванович всплеснул руками и опустился в сугроб.

– А я гляжу: ночью горит свет на кухне.

Подошли соседи из других дворов.

– Товарищи, во двор, а тем более, в дом – нельзя! Вы, дедушка, стойте на часах у калитки, – обратилась она к Кондратию Ивановичу, отряхивая его от снега. – Пусть кто-нибудь бежит в милицию, а я помчусь в больницу.

Кондратий Иванович загородил собой калитку и приказал жене:

– Мать, тащи кожушок и рукавицы. А вы, граждане…

Вскоре из машины с красной полосой вышел начальник милиции капитан Малахов в сопровождении следователя Хромых и двух милиционеров. Почти следом за ними подъ-

ехала прокурорская «Победа».

– Почему собаку не взяли? – спросил прокурор, вылезая из машины.

– Бесполезно, снегу навалило. Да и поздно уже, Юрий Семенович, железная дорога рядом, – ответил следователь, пропуская прокурора вперед.

– Гм… Железная дорога?.. У вас уже есть выводы? – Прокурор в расстегнутом пальто быстро подошел к калитке, решительно распахнул ее и, посматривая по сторонам, пошел по двору. Остальные гуськом шли за ним.

Прокурор, словно крадучись, вошел на кухню и, не сходя с места, осмотрел ее, а затем шагнул к убитому, двумя пальцами приподнял пальто над его головой и снова опустил.

– Немедленно врача! Эксперта вызвали?

– Эксперт будет через полчаса. Самолетом, – отозвался Хромых. – А врачи сейчас подойдут.

Вошли Гурген Макарьян и Кучерова. Кучерова склонилась над Луниным и сразу же, тяжело вздохнув, выпрямилась и молча посмотрела на прокурора.

– Ясно, – буркнул прокурор. – Когда прекратился снегопад?

– В три часа ночи, – ответил начальник милиции.

– Убийство произошло скорее всего вечером, – вставил Хромых.

– Почему так думаете? – повернулся к нему прокурор.

– В печке совсем мало шлака, а в ведре угля больше по-

ловины.

У Макарьяна на глазах блестели слезы. Он чиркнул спичкой и прикурил.

– Курить бы не надо! – строго сказал Хромых.

Макарьян торопливо прижал пальцами горящую папиросу и скривился от боли.

– Пожалуйста, станьте вон туда, в угол, – сказал Хромых Макарьяну и Кучеровой. – Идите сюда, Сергеев, – он протянул руку к младшему лейтенанту. – Фотографируйте отсюда и отсюда…

Вспыхнули «блицы» лампы.

– Теперь снимите пальто…

Снова защелкал затвор фотоаппарата. Хромых обвел мелом контур тела Лунина.

– Всюду половики… Никаких следов… Отпечатки… – Он кивнул сержанту: – Дверь, шкаф, рукоятка топора, кружка, стол, полено… В общем, смотрите сами…

Хромых поднял очки.

– Это очки пострадавшего? – он посмотрел на Макарьяна.

– Да, его.

В углу валялась поршневая ручка.

– А это?

– Его. Это точно.

Хромых через лупу внимательно исследовал клеенку. Потом опустился на пол. Под стеклом мелькали шерстинки, крошки хлеба, бумажки… Хромых заглянул под стол. Рядом

с ножкой он увидел небольшой осколок стекла, чуть дальше – другой. «Плексиглас. Часы Лунина висят на гвоздике над столом, значит преступник разбил свои часы!» И еще маленький осколок…

Хромых завернул их в бумажку и сунул в карман. В щели пола он увидел какую-то светло-желтую шелуху. Присмотрелся: что-то вроде насекомого. «Это же сухая дафния». Он поддел ее кусочком бумажки и, поднявшись, стал рассматривать в лупу. Сомнений не было.

– Сержант, посмотрите, нет ли в доме аквариума?

– Нет, Вениамин Павлович.

– Смотрите, Юрий Семенович, дафния…

– А что это такое? Ах, дафния… Интересно…

– А вот осколки часового плексигласа.

– Значит, Лунин оказывал сопротивление. Впрочем, следов борьбы не видно. – Прокурор сел на табурет и потер лоб.

Хромых осмотрел все комнаты и негромко объявил:

– Никаких признаков ограбления.

– Это сразу было видно: на вешалке – новое зимнее пальто Лунина, отличная меховая шапка, – устало заметил прокурор.

– Товарищ прокурор, там пришел почтальон… принес телеграмму Лунину, – заглянул в дверь Кондратий Иванович.

– Пропустите.

Вошел пенсионер Самохин – разносчик телеграмм. Он уже знал, что убили главного врача, но при виде убитого он

закачался, дрожащей рукой снял шапку и так и застыл, забыл пригладить нелепо торчащие космы седых волос.

– Дайте сюда телеграмму. – Прокурор прочитал: «Дорогой папа, выезжай в пятницу вечером. Оля, Сергей». Куда это его вызывают?

– В Харьков, на свадьбу, – отозвался Макарьян, – его дочь выходит замуж.

– Адрес харьковский знаете? – спросил прокурор.

– Я не знаю, – Макарьян пожал плечами. – Вы не знаете, Варвара Антоновна? – спросил он у Кучеровой.

– Откуда мне знать?..

Вошел грузный мужчина в сопровождении тоненькой девушки в пушистой голубоватой шапочке.

– Судмедэксперт Мариничев, – отрекомендовался он, – а это моя ассистентка. – И он молча поздоровался с прокурором за руку, снял пальто и стал на колени возле тела Лунина.

– Я думаю, что с момента смерти прошло не менее двенадцати часов. Только после вскрытия, пожалуй, можно заключить точнее.

– Нашел адрес дочери! – Хромых держал в руке блокнот Лунина. – В кармане костюма лежал.

– Оповестите дочку от моего имени! – Прокурор встал.

Лунина вынесли. Вышли все посторонние.

– Что вы думаете об убийстве, товарищ следователь? – спросил прокурор, машинально растирая пальцами подбородок.

– Ничего не думаю, товарищ прокурор, ибо это не ограбление и, как говорится, не почва ревности, – грустно улыбнулся Хромых. – Хулиганство без каких-либо побуждений… месть.

– Месть? А что вы имеете в виду?

– Ничего не имею, просто перебираю версии…

– Лунин ведь был на Краснодарском процессе? – подался вперед прокурор. – Когда товарищ следователь упомянул железную дорогу, я подумал, что его мысль работает в этом же направлении. В общем, вывод напрашивается сам собой… Здесь дело серьезное, так что самим нам не разобраться… Убийца дерзкий и прямолинейный; даже наплевал на инсценировку ограбления. Что это, глупость или уверенность в недосягаемости? Буду звонить в Брянск. Свяжусь с управлением госбезопасности.

9

Вот уже пять дней Мартовой не находил себе места. Каждый раз, возвращаясь домой, он со страхом, дрожащими руками нажимал кнопку звонка и входил в свою квартиру, словно крадучись, боясь увидеть там человека, встреча с которым сулила ему гибель – ведь Лунин мог приехать и до субботы – дня, на который назначена свадьба.

Сегодня была пятница. Вчера вечером была послана Лунину телеграмма. Сергей хотел дать ее еще утром, но Мартовой сам вызвался послать ее и отправил только вечером, после работы, с таким расчетом, чтобы она в дом Лунина попала только сегодня. Сегодня была пятница – решающий день. Сегодня он узнает, удалась ли Зиргусу эта операция?

Не дождавшись конца рабочего дня, Мартовой ушел с работы. Ему не терпелось поскорее попасть на почту. А вдруг там нет телеграммы? Что тогда? Что думать, что предпринимать? Ах, не стоит заранее терзаться, авось будет все хорошо! – успокаивал он себя. Сейчас он все узнает…

Мартовой сошел на остановке «переулок Короленко» и поспешил на почту. Он подождал, пока уляжется волнение, и протянул в окошечко паспорт. Девушка подала ему телеграмму, и он отошел в глубь зала. Телеграмма была из Витебска. Послана утром.

«Диссертацию защитил, осложнений не было, привет

всем друзьям. Айнар».

«Ну, слава богу!» – вздохнул Мартовой.

Он вышел на улицу. Перед ним плясали разноцветные буквы, высвечивая слово «Центральный».

«Зайти, что ли, в ресторан, пропустить стаканчик на радостях? – заколебался он, но вдруг его обожгла мысль: – А что, если Айнар обманул? Только успокаивает меня, а сам… Черт знает, что может прийти на ум этому бандиту!.. Не сегодня, так завтра я все равно узнаю правду, какую ни есть». Он круто повернулся и зашагал домой.

Дверь ему открыла Нина Дмитриевна. На него смотрели ее блестевшие от слез глаза.

Мартовой устало смежил веки и рванул воротник пальто. Его лицо исказила гримаса отчаяния.

«Все!.. Не удалось! Вот и конец!» – он вообразил, что за ним уже пришли чекисты и ожидают в квартире.

– Что с тобой? Ты уже знаешь? Откуда? – шепотом спросила жена.

– О чем ты говоришь? Что случилось?

– Олин отец…

– Что случилось? – истерично крикнул Мартовой, хотя он уже все понял, и этим криком, как стоном, облегчил свою скованную страхом душу.

– Умер Анатолий Романович. Только что пришла телеграмма.

Мартовой схватил телеграмму: его рука тряслась, буквы

прыгали перед глазами.

– «…скоропостижно скончался»… – эти слова гипнотизировали его. Он поднял голову и поочередно обвел взглядом жену, Олю, Сергея:

– Сердечный приступ? Он болел?

– Нет, не болел, не болел, – растерянно лепетала Оля, – но такие случаи знает медицина…

– «Карпов»… Кто такой?

– Не знаю, Василий Михайлович. В больнице как будто нет такого врача… Да что же мы стоим?! Сережа… Мы с Сергеем едем в Пасечное.

– Сейчас?! – воскликнул Мартовой.

– Конечно…

Сергей вынес из комнаты уже собранный чемодан и снял с вешалки Олино пальто.

– Одевайся… Мы опоздаем!

– Вы бы хоть поели… Оля, Сережа… – нерешительно предложила Нина Дмитриевна.

Сергей помогал Оле надеть пальто:

– Некогда, мама. Быстренько собери нам чего-нибудь в дорогу.

– Нина, – сказал Мартовой, вбегая на кухню, – я тоже поеду с ними. Утром позвони Макарову, объясни… – И, подойдя к жене, ласково погладил ее по волосам и с неподдельной болью посмотрел ей в глаза.

– Горе-то какое! – Нина Дмитриевна упала на грудь мужа.

У Мартового радостно стучало сердце. «Не обманул, не обманул!..» – с теплотой вспоминал он Зиргуса. Он опьянел от радости и не скрывал суетливой оживленности, понимая, что она воспринимается как растерянность или подобие истерии.

Он решил ехать в Пасечное, чтобы услышать разговоры, предположения и убедиться, что Зиргус не оставил каких-либо следов. Только бы удалось Зиргусу незамеченным выбраться из Пасечного, а там ищи ветра в поле…

Да, только в Пасечном он сможет узнать, какая окраска будет дана убийству следственными органами, какой характер примет расследование. И еще: теплилась надежда как-то повлиять на дальнейший ход событий, направить следствие по ложному пути.

10

Полковник Мохов положил телефонную трубку, медленно собрал бумаги, сложил в сейф и стал наводить порядок на столе.

«По-видимому, прокурор Карпов прав. Немотивированное убийство исключается… Гм… Его надо связывать с активностью ветерана, с его перепиской, – решил он, вытряхивая из пепельницы окурки. – А может, лучше предположить… Да, Карпов сказал, что Лунин ездил в Краснодар!.. Две линии… Но сходятся… Вот тут и загвоздка… И никаких улик…»

Минуту спустя вошел капитан Тарасюк.

– Серегин сказал, что вы меня звали, товарищ полковник.

– Да, садись, Олег. Слышал, что произошло в Пасечном? Утром звонил нам Карпов… – полковник кивнул на стул, морщась от папиросного дыма.

– Доктор Лунин? Недавно узнал. Догадываюсь, что это по нашей линии…

– Немного погоди с выводами, а поезжай в Пасечное и помоги следователю. Так и этак покрути дело, – может, простая уголовщина. А вообще ты правильно прикидываешь. Я чую, что вклинился Лунин куда-то, в чье-то заповедное влез… Понимаешь, две линии – его переписка и Краснодарский процесс. Он давал там показания, а ты же знаешь, сколь-

ко там было упомянуто лиц! Многие из них пока не найдены… Особенно обрати внимание на его переписку. Сколько к нему приезжало людей! Поди найди их! В общем, спать нам не придется… Если подтвердится версия насчет Краснодарского процесса, надо докладывать в Москву. Думаю, что преступник с повинной не придет, а коль скоро это так – за работу!

На следующий день Тарасюк приехал в Пасечное.

– Привет, Вениамин Павлович, – поздоровался он, войдя в кабинет следователя.

На столе Хромых лежала солидная пачка писем, присланных Лунину в разное время; он перечитывал их и делал выписки в тетрадь.

– Здравствуйте, товарищ капитан. Жду вас, – Хромых протянул гостю руку.

– Ну, что там у вас нового? – Тарасюк подсел к столу, взял одно письмо и покрутил его в руках. – Представляете себе, что это будет за труд! Не исключено, что кто-то из этих авторов убил Лунина. Нужно установить и, этого мало, – доказать! Что-нибудь есть интересное?

– Трудно пока сказать. Занялся ими недавно. В письмах зачастую – с нашей точки зрения – много «воды»: пишут о семье, о работе, вспоминают об общих знакомых. Есть письма содержательные, разумные, а больше – эмоциональные; люди радуются, что нашли друг друга, немного хвастаются своими заслугами, участием в войне, – их можно понять.

Там, например, есть предложение встретиться всем сразу, собраться, как один пишет, в Москве на Красной площади в День Победы. Некий Харитонов просит сообщить, не знает ли Лунин – жив ли их командир, где он? Дескать, хотел бы с ним встретиться. Есть сообщение о высылке фото. Кстати, у Лунина много фотографий его боевых товарищей… Кто-то описывает боевой эпизод, в котором погиб интересующий Лунина человек. И так далее и тому подобное. К тому же, письма в основном старые. Я еще не все просмотрел. Да, есть переписка со следователем из Краснодара.

– С соседями беседовали?

– Да. Но только один из них – Русанов Кондратий Иванович, бывший учитель – дал показания, да и то несущественные. Его двор напротив двора Лунина. И вообще, они еще с войны были друзьями. Даже на свадьбу ехать собирались вместе.

– Что же он говорит?

– В день убийства, просматривая «Брянскую правду», он увидел некролог: скончался Степан Федорович Шушунов – их бывший партизанский командир. Он так расстроился, что разболелась голова, и он прилег. Вечером он решил пойти к Лунину и погоревать вместе с ним. Но его невестка, операционная сестра из хирургического отделения, строго-настрого запретила это делать, сказав, что Лунину завтра оперировать тяжело больного, так нечего его расстраивать. Русанов и не пошел, а лег спать. Около полуночи он встал по

надобности и увидел, что в кухне у Лунина горит свет. Он еще подумал: не спит Анатолий, волнуется, а может, книги какие просматривает, к операции готовится. А увидев свет утром, естественно, подумал, что Лунин собирается на работу.

Тарасюк встал, походил по кабинету, снова сел.

– А что говорят в больнице?

– Все подавлены и удивлены. Особенно потрясен хирург Макарьян. Из-за его состояния отложили операцию тяжело больного. Кстати, тут один наш работник выдвигает версию – не замешан ли в этой истории Макарьян? Мол, Макарьян был влюблен в дочь Лунина – это, правда, так и есть – вдруг Ольга выходит замуж. Естественно, что между Макарьяном и Луниным мог произойти крупный разговор. Макарьян мог упрекнуть его в чем-то. Оба не сдержались, поссорились – и вот результат. Этот товарищ ссылается на кавказскую натуру Макарьяна. Спору нет, он горяч. И, если бы не одно «но», я мог бы тоже такое подумать, а так категорически отметаю это подозрение.

– А что это за «но», – Тарасюк поднял глаза от бумажки, на которой рисовал фигурки, слушая Хромых.

– Гурген – мой друг, и я знаю его хорошо. А в тот злополучный вечер он как раз сидел у меня. Я повстречал его у выхода из больницы, и мы вместе пошли домой. А живет он в нашем доме, его комната напротив моей. Весь вечер мы проговорили о его больничных делах, о Лунине. Он поделил-

ся со мной и своей радостью – его назначили заведующим хирургическим отделением. Только эту радость он бурно не воспринимал, как можно было ожидать. Сильно переживает замужество Ольги – это верно. Но это честный и порядочный парень, и я за него ручаюсь.

– С дочерью Лунина говорили? Что она думает по поводу убийства?

Хромых махнул рукой.

– С ней говорить невозможно – ей все время плохо. А муж и свекор тоже не могут прийти в себя, – ходят как неприкаянные. Да и что они могут знать? Старший Мартовой даже не успел познакомиться с Луниным. Все они приехали сегодня утром.

– Ничего удивительного, такое горе! Пусть немного успокоятся, я с ними поговорю сам.

Под вечер капитан Тарасюк постучался в дом Лунина. Оля открыла дверь. Тарасюк предъявил удостоверение и сказал:

– Может, вам и не до меня, но в интересах следствия мне нужно кое-что выяснить.

Оля провела его в комнату, где сидели Сергей и Мартовой. Тарасюк поздоровался с ними и обернулся к девушке:

– Скажите, Ольга Анатольевна, говорили ли вы кому-нибудь в Риге о распорядке ваших каникул и, в частности, то, что вы после посещения Пасечного поедете в Харьков? Или вы, Сергей?

Оля и Сергей вопросительно смотрели друг на друга.

– В общем… Конечно, все мои подруги по институту знали, что мы с Сергеем поедем ко мне. Ну, а то, что мы будем в Харькове, подразумевалось само собой. О свадьбе я ничего не говорила… Мы и сами с Сергеем тогда еще не решили, где ее устраивать.

– А вы, Сергей?

– Мне просто нечего добавить. Знали и мои товарищи.

Тарасюк что-то записал в блокнот.

– А в Харькове? – спросил он. – Кому вы рассказывали об отце Оли? Или, может быть, в поезде?

– В поезде – никому. С нами ехала женщина с мальчиком лет пяти… А в Харькове я навестил двух школьных товарищей, пригласил на свадьбу. Больше ни с кем мы не говорили. Правда, Оля?

– Да. А я никого там не знаю. Все эти дни мы были дома. Ходили на рынок за продуктами к свадьбе, в магазины.

– Нам нужно все знать, – сказал Тарасюк.

– Да вы поймите наше горе, товарищ… не знаю вашу фамилию, – Мартовой остановился.

– Тарасюк.

– Жаль человека, товарищ Тарасюк. Обидно, когда гибнет фронтовик в мирное время. Я сам прошел тернии войны и, как говорится, хлебнул горького через край. Курите, – предложил Мартовой.

– Спасибо, не курю.

Мартовой сбил с папиросы пепел и продолжал:

– Лунину за время войны пришлось сталкиваться со многими людьми, с хорошими и плохими. А вдруг одного из последних он встретил в Пасечном или поблизости? События развернулись так стремительно, что он не успел сообщить об этом, куда следует.

– Это вполне вероятно, – согласился Тарасюк. – Ведь Лунин долгое время воевал в партизанах, то есть на оккупированной врагом территории, где предатели попадались на каждом шагу – полицаи, старосты, просто осведомители…

– Как бы там ни было, одно здесь совершенно ясно – убили его не для того, чтобы ограбить. В доме ничего не тронуто, – заключил Мартовой.

Тарасюк снова обратился к Оле и Сергею:

– А вы не заметили, может быть, Анатолий Романович был чем-то встревожен, подавлен?

– Что вы! Он был бодрый, веселый. И мы никогда бы не подумали, что видим его в последний раз, – Оля залилась слезами.

Мартовой с укоризной возразил:

– Да если бы Анатолия Романовича что-нибудь угнетало или тревожило, разве стал бы он омрачать этот короткий день свидания с ребятами? У них только начинается свое маленькое счастье, своя жизнь…

Тарасюк понимал, что его вопросы исчерпаны. Что могла знать Оля, видевшая отца только в каникулы?

«По-видимому, родственник Лунина прав. Надо вести поиск во всех направлениях», – размышлял Тарасюк по дороге к следователю Хромых. Он забрал у Хромых письма, взятые в квартире Лунина дафнию, осколки часового стекла и уехал в Брянск.

11

Утром Тарасюк уже докладывал полковнику Мохову о результатах поездки в Пасечное.

Мохов с нетерпением ждал возвращения капитана. Еще не зная, какими данными они могут располагать, опираясь только на свой опыт, а может быть, и на какое-то внутреннее чутье, он понимал, что действовал опытный преступник, сумевший побывать в доме Лунина и уйти оттуда незамеченным. Из телефонного разговора с прокурором Карповым Мохов знал, что преступник не применил ни огнестрельного оружия, ни холодного, а обошелся подручными средствами. И это наводило на мысль, что убийство не было подготовленным, а возникло как бы стихийно, ввиду сложившихся обстоятельств, требующих немедленного действия.

Это немного поколебало выдвинутую первоначально версию, что убийство надо связывать или с Краснодарским процессом, или с перепиской, которую вел Лунин со своими боевыми товарищами. В этом случае убийство было бы спланировано заранее – и преступник явился бы не с пустыми руками.

Своими соображениями Мохов незамедлительно поделился с капитаном Тарасюком.

– Да, товарищ полковник, ваш вывод как раз перекликается с предположением товарища Мартового – родственника

Лунина. Только он не затрагивал вопроса об оружии. Я, когда ехал в поезде, да и сегодня ночью, крутил дело так и этак и пришел к выводу, что вариант с перепиской не подходит еще вот почему. – Тарасюк кашлянул и слегка поморщился.

– Забыл, что не куришь.

Мохов загасил папиросу, встал, открыл форточку и погнал руками дым к окну.

Тарасюк разложил на столе письма и фотокарточки.

– Мне кажется, что я понял принцип анализа. Большинство писем принадлежит партизанам Брянщины, то есть нашим землякам, которые в силу создавшихся трудных условий впоследствии перебазировались в белорусские леса. Безусловно, Лунин их хорошо знал, и все они знали друг друга. Вот тут и их фотографии. Есть, так сказать, и иногородние. Сохранились их письма и фотографии. Несколько погибших. Фотографии присланы их родственниками. Заметьте – партизан, а не каких-то без вести пропавших, так что они действительно умерли. А вот эти три фотографии недавние, приложены к письмам. По письмам, имеющимся у нас, мы, в случае надобности, легко можем отыскать и людей, посылавших их. А надобности, я думаю, нет, потому что эти люди, будь у них нечистая совесть, фотокарточек не прислали бы, а от Лунина избавились бы давным-давно, если бы его боялись, или хотя бы уклонились от переписки с ним.

– Правильно, – согласился Мохов. Он было опять потянулся к папиросе, но вовремя спохватился.

Тарасюк сложил фотографии стопочкой, подравнял их с боков и, как бы выводя заключение, сказал в раздумье:

– Допустим, в моем рассуждении есть какой-то изъян. Но я думаю, что Лунин помнил все фамилии своих знакомых, и если бы какая-нибудь из них фигурировала или упоминалась в свидетельских показаниях в Краснодаре, то что мешало ему сообщить об этом органам еще там? Так что с какой бы точки ни посмотреть, на этой версии уже можно поставить крест.

– Вот мы и освободились от заблуждения! – повеселел Мохов. Выводы, сделанные Тарасюком, совпадали с его собственными. – Таким образом, нам следует сконцентрировать внимание на оставшихся двух вариантах: или это убийство, не подготовленное заранее, или все же оно связано с Краснодарским процессом. Если остановиться на последнем, то он выдвигает перед нами загадку: почему преступник не применил оружия? Допустим, у него не было огнестрельного – и это вполне вероятно, – но иметь при себе хотя бы простой нож он мог бы?

– А может быть, он имел при себе оружие, хотя бы для самозащиты, но не применил его. Хотел нас перехитрить. И достиг своей цели. Вот ломаем же мы голову, товарищ полковник.

– Да, мы не знаем, с кем имеем дело, – вздохнул Мохов. – Давай пока иди к себе. Подумаем еще порознь.

На совещании, проведенном полковником Моховым в

конце дня, было принято решение выяснить, кто в недавнем прошлом прибыл на жительство в Пасечное или окрестные села. Особенно надо было обратить внимание на тех, кто имеет медицинские профессии и еще не устроился на работу, если, конечно, такие окажутся.

В самом же Брянске следовало установить, кто недавно поступил на работу в городские медицинские учреждения или в Облздравотдел, где приходилось Лунину бывать по долгу службы и где он мог увидеть преступника.

Необходимо было также уточнить данные о некоторых товарищах Лунина, проживающих в других местностях. Части из них решено было послать уведомление о его смерти и предложить им высказать свою точку зрения по этому поводу.

Но самое главное внимание было все же уделено Краснодарскому варианту. Выработанная версия сводилась к тому, что кто-то из упомянутых, но еще не найденных преступников, опасался возможного разоблачения со стороны Лунина, как путем личного контакта с ним, так и в результате его переписки с боевыми товарищами, ведь именно Лунин являлся тем пунктом, где переплетались их связи. Нельзя было пренебрегать и той небольшой степенью вероятности, что здесь имеет место месть друга или родственника осужденного.

Важно было узнать, что именно и против кого свидетельствовал Лунин на процессе. Письма следователя не могли

пролить свет на этот вопрос, так как в них, возможно преднамеренно, не упоминались ни фамилии, ни суть дела, и они заключали в себе только практическую сторону: уточнение даты приезда. Таких писем было всего два.

С докладом в Москву был командирован капитан Тарасюк.

12

Подполковник Борисов возвращался из подмосковного дома отдыха. И хотя зима для отпуска, по мнению многих, – время неудачное, Борисов считал, что ему повезло. Отпуск могли дать и поздней осенью, и в преддверии весны. Тогда, действительно, какой же отдых на природе? Ни то ни се. А сейчас, в феврале, – самая пора для лыжных прогулок по зимнему лесу. Лыжи он любил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.